

ПРИМЕЧАНИЯ¹

В настоящем томе помещены беллетристические произведения Чернышевского, написанные им в годы сибирской ссылки (1864—1883 гг.) и в Астрахани (1883—1889 гг.). При оценке этих произведений необходимо учесть условия, при которых они были написаны. Томясь в одиночестве, лишенный живой непосредственной связи с читателями и единомышленниками, соратниками по революционной борьбе, Чернышевский вынужден был избрать беллетристику, как единственно доступную в условиях ссылки область творчества, имея постоянно в виду строжайший контроль властей.

Многое в стиле, композиции (подчас умышленно усложненной) и содержании некоторых романов, повестей и прочих беллетристических опытов Чернышевского этого периода объясняется тем, что вождь революционной демократии, оставшийся верным своим убеждениям, пытался свой призыв к революции облечь в форму бесед «как бы о посторонних предметах» (ср. характерное признание Н. Г. Чернышевского: «Прямо говорить нельзя, будем говорить как бы о посторонних предметах...»).

Выдающимся произведением сибирского периода является роман «Пролог». Однако большая часть беллетристической продукции, публикуемой в настоящем томе, не обладает теми высокими достоинствами, которыми отмечены «Что делать?» и «Пролог», сохраняя чисто научный интерес как факт биографии Чернышевского.

После публичного объявления приговора (4 мая 1864 г.) и гражданской казни (19 мая) Чернышевский 20 мая 1864 г. был отправлен в ссылку и в половине августа этого года заключен в Кадаинский рудник, Нерчинского округа. В конце 1866 г. Чернышевского переводят на Александровский завод. В июне 1867 г. в связи с окончанием «срока испытваемости» Чернышевскому разрешено жить на вольной квартире. Однако в августе этого же года, вследствие побега ссыльного А. А. Красовского, Чернышевский был заключен снова в тюрьму. 10 августа 1870 г. оканчивался срок тюремного заключения. Выполняя волю Александра II, комитет министров постановил «продолжить временно заключение Чернышевского в тюрьме» и «приступить к изысканию мер к обращению сего преступника, согласно закону, в разряд ссыльно-поселенцев в такой местности и при таких условиях, которые бы устранили всякое опасение насчет его побега и... сделали бы невозможным новые со стороны молодежи увлечения к его освобождению». По предложению генерал-губернатора Корсакова, 28 октября 1870 г. было решено поселить Чернышевского в Вилюйске, Якутской области. По прибытии туда в январе 1872 г. Чернышевский был причислен к Чучейскому наслегу Верхневилуйского улуса, где он и оставался до отправления в Астрахань 2 сентября 1883 г.

В Сибири Чернышевский много писал. Первое время он надеялся на возможность получить разрешение публиковать свои произведения.

¹ Составлены А. П. Скафтымовым.

В письме к жене от 18 апреля 1868 г. Чернышевский делился своими творческими планами: «Переехав жить на ту сторону Байкала, я буду близко к администраторам, более важным, нежели здешние маленькие люди... Тогда придет время писать для печатанья и будет можно воспользоваться множеством планов ученых и беллетристических работ, которые накопились у меня в голове за эти годы праздного изучения и обдумывания. Как только будет разрешено мне печатать, а в следующем году, наверное будет, — отечественная литература будет наводнена моими сочинениями». В своей литературной работе Чернышевский учитывал, насколько строга будет к нему цензура в том случае, если бы он получил право печатать свои сочинения. Поэтому он старался выбирать темы преимущественно из области частно-бытовых отношений, интересуясь, главным образом, положением и ролью женщины в семье и обществе. Лишь некоторые беллетристические произведения раннего сибирского периода открыто касались вопросов политической жизни России. Таков роман «Пролог». Политической проблематике были посвящены аллегорическая комедия «Мастерица варить кашу», повесть «Старина».

В период пребывания на Александровском заводе Чернышевский читал свои вещи товарищам по заключению. Кроме того, Чернышевский импровизировал и писал пьесы для товарищеских любительских спектаклей (П. Николлаев, Личные воспоминания о пребывании Н. Г. Чернышевского в каторге, М. 1906; В. Шаганов, Чернышевский на каторге и ссылке, СПб. 1907; С. Стахевич. Среди политических преступников, Сб. «Н. Г. Чернышевский», изд. О-ва политкаторжан, М. 1928; П. Баллод, Воспоминания о Н. Г. Чернышевском, Сб. «Н. Г. Чернышевский», изд. О-ва политкаторжан, М. 1928).

Повести и пьесы, написанные здесь, Чернышевский в январе 1871 г. отправил с «оказией» в Петербург родным для печати. «В ожидании переезда, — писал тогда Чернышевский жене, — я перестал писать повести, которые избретаю; при переезде, чем меньше бумаг, тем лучше. И без новых прежние достаточны для наполнения десятков книжек журналов. Чтобы оставить при себе несколько поменьше, посылаю тебе пачку, из которых кое-что может быть удобно для напечатания».

Это было далеко не все из написанного Чернышевским. «Эта пачка, — писал Чернышевский жене, — незначительная часть приготовленного мною для печати, я выбрал только то, что не нужно мне для справок. Вообще, то, что я пишу, связано — один роман с другим, другой с третьим, — так что многое, готовое у меня, должно оставаться в моих руках до отделки следующих рассказов, которыми займусь по переезде».

Все отосланное в этой пачке дошло по назначению, но в свое время не было опубликовано и появилось в печати лишь в 1906 г. в первой части X тома первого Собрания сочинений Чернышевского. Произведения, оставшиеся на руках Чернышевского, повидимому, погибли или при переезде в Вилюйск, или впоследствии при многочисленных обысках.

Полагая, что он сможет в Вилюйске продолжить свою литературную деятельность в качестве писателя-беллетриста, Чернышевский писал о своем желании обеспечить оставшуюся в Петербурге семью. «С официальной точки зрения, — писал Чернышевский Ольге Сократовне в январе 1875 года, — может казаться соединенным с некоторыми неудобствами единственный способ, каким я способен зарабатывать деньги, литературный труд. Это потому, что официальный мир и публика знают меня как публициста. Я был публицистом. Так. И не имел досуга писать как ученый. Но более, чем публицист, я ученый. И кроме того что ученый, я умею быть недурным рассказчиком, от нечего делать я сложил в своих мыслях едва ли меньшее число сказок, чем сколько их в «Тысяче и одной ночи»; есть всяких времен и всяких народов; сказки — это ни мало не похоже на публицистику. А ученость давно признана и у нас в России делом, не мешающим ровню ничему. Попробую, И прошу, чтоб об этом было подумано так: «Посмотрим, что такое это будет». — А я уж и знаю, разумеется, что такое это будет: будет все только такое, что несколько не может относиться ни до каких-нибудь русских дел,

ни до каких-нибудь нерусских, кому-нибудь неудобных. Мне понятно, разумеется, что надобно мне будет соблюдать некоторые формальности, касающиеся моей фамилии. Я вижу, что мое имя не упоминается в русской печати. Мне ясно, что это значит. Но не из авторского самолюбия стану я писать. Конечно, лишь для того, чтобы получились за это деньги и передавались тебе. А когда так, то, разумеется, что все нужные формальности будут соблюдаемы мною с безусловною строгостью».

10 июня 1875 г. Чернышевский посылает А. Н. Пыпину 7 листов рассказов и разговоров из «Академии Лазурных гор» и листок заметок о них для редактора и типографии.

Ожидания были напрасны. Посылаемые произведения не доходили ни до Стасюлевича, ни до Пыпина, оставаясь в III отделении. Стремясь побудить администрацию не прерывать его литературной деятельности, Чернышевский переходит на режим одиночного заключения. Подробный рассказ об этом находим в письме Чернышевского к А. Н. Пыпину от 13 марта 1876... Заканчивая письмо, Чернышевский сообщает: «И более, чем полгода, добровольно просидел в одиночном заключении, более строгом, чем правила, какие соблюдались при мне в Александровском равелине. Это для доказательства, что я серьезно говорил и повторяю: все, что нужно для печатания моих произведений, я готов исполнить, и имею силу исполнить».

В письме к жене 21 июня 1876 г. Чернышевский сообщает, что он и теперь продолжает писать «Сказки», хотя уже с меньшей настойчивостью, чем прежде. Количество написанного было огромно. Сохранять написанное Чернышевский не считал возможным... «За Байкалом исписывал очень много бумаги, почти каждый день без пропуска. И со мною жили гозарищи, читавшие мои сказки (то были почти все только сказки), некоторые были хорошие; но время шло, содержание их ветшало, я бросал в печь одну за другой». О своем творчестве Чернышевский писал 14 августа 1877 г. А. Н. Пыпину: «И когда бы можно было печатать, что пишу, тебе можно было б отдохнуть. Я пишу все романы. Десятки их написаны мною. Пишу и рву. Беречь рукописи не нужно: остается в памяти все, что раз было написано. И как я услышу от тебя, что могу печатать, буду посылать листов по двадцати печатного счета в месяц».

В Астрахани Чернышевский попрежнему находился под строгим полицейским надзором.

В первое время Чернышевский был настроен бодро и увлекался планами большой научной и литературной работы, полагая реализовать замыслы, накопленные за долгие годы сибирской жизни. Вскоре после приезда в Астрахань Чернышевский рассказывает сыну первую часть какого-то обширного беллетристического произведения, которое им «было написано раньше» и теперь повторялось «наизусть» сплошь целыми страницами. 30 октября 1884 г. Чернышевский просил А. В. Захарьина выяснить, не окажется ли возможным получить разрешение помещать в журналах его произведения с его подписью или под псевдонимом. При этом Чернышевский сообщал, что, надеясь на решение его вопроса в утвердительном смысле, он «начал писать повесть из английского быта, которая по своему содержанию не представляет ни малейшего повода к цензурным затруднениям». Разрешение печатать произведения Чернышевского при условии псевдонима и предварительной цензуры было получено. В одном из писем к А. В. Захарьину 1885 г. Чернышевский сообщал о своей работе над «маленькими рассказами», которые он думал послать для напечатания в «Вестник Европы». Замысел остался неосуществленным. Позднее, в 1888 г., Чернышевский направил в «Русскую мысль» большую повесть «Вечера у княгини Старобельской». Написанная часть повести не имеет соответствия с известными нам произведениями сибирского периода, но в дальнейшем в повесть должен был войти целый цикл произведений, написанных в Сибири.

Условия, в обстановке которых создавались Чернышевским художественные произведения, входящие в настоящий том, были еще более тяжелые, чем в ту пору, когда он находился в Петропавловской крепости. Отчаянные усси-

лия Чернышевского найти доступ к печати наталкивались на неумолимые запреты власти. И только героическая сила духа, свойственная Чернышевскому, поддерживала его творческую волю и побуждала к неутомимым поискам новых возможностей для осуществления тех жизненных целей, в какие он неизменно верил.

Пролог

Роман «Пролог», высоко ценимый В. И. Лениным, дает яркую картину общественной борьбы в России накануне реформы 1861 года. Раскрывая буржуазный характер проводившейся крепостниками реформы, Чернышевский подверг вместе с тем острой критике взгляды и действия враждебной революционной демократии либеральной партии.

1. Образ Волгина носит до некоторой степени автобиографический характер.

Представленная в первой главе обрисовка внешней стороны жизни и личности Волгина совпадает с тем, что известно о жизни Чернышевского в 1857 г. В манерах Волгина много общего с Чернышевским, например, манера обращаться с людьми, шутить, смеяться, петь, говорить и пр. Домашний образ жизни Волгина: постоянный литературный труд, работа по ночам, отношение к жене,— все это совпадает с тем, что нам известно о Чернышевском по биографическим материалам (А. Лебедев, Н. Г. Чернышевский, «Русская старина», 1912, № 5; С. П. Зыков, Наброски из моей жизни, «Русская старина», 1900, № 4; М. А. Крымов, Знакомство с Н. Г. Чернышевским, «Слово», 1905, приложение № 2 и № 306, от 20 ноября; М. Антонович, Памяти Н. Г. Чернышевского, «Новый журнал для всех», 1909, № 11; Н. Николадзе, Воспоминания о 60-х годах, «Каторга и ссылка», 1927, № 5; В. А. Обручев, Из пережитого, «Вестник Европы», 1907, № 5; Новиккий, Воспоминания, Сб. «Н. Г. Чернышевский», Саратов, 1928; А. Паняева, Воспоминания, «Academia», М.—Л. 1928; Н. В. Шелгунов, Воспоминания, Гиз. М.—Л. 1923; Н. Рейнгардт, Н. Г. Чернышевский, «Русская старина», 1905, № 3; В. А. Пыпина, Любовь в жизни Чернышевского, П., 1923).

2. Прототипом образа Рязанцева послужил К. Д. Кавелин, наиболее характерный представитель тогдашнего либерализма.

К. Д. Кавелин (1818—1885), помещик, образование получил на юридическом факультете Московского университета. В молодости находился под некоторым влиянием Белинского, Грановского, затем Герцена. С 1844 г. адвокат, затем — профессор Московского университета по кафедре истории русского законодательства. С 1848 г. Кавелин живет в Петербурге, занимая место «редактора» в городском отделе хозяйственного департамента министерства внутренних дел (1848—1850), потом начальника учебного отделения в штабе военно-учебных заведений (1850—1853) и начальника отделения в канцелярии комитета министров (1855—1857). Тогда же он сближается с братьями Милютиными — Дмитрием, в то время профессором Академии Генерального штаба, и Николаем, тогда начальником отделения в хозяйственном департаменте министерства внутренних дел. В 1857 г. Кавелину поручают преподавание правоведения наследнику-цесаревичу. В этом же году совет Петербургского университета избирает его в должность профессора по кафедре гражданского права. В связи с рескриптами 1857 г. Кавелин много раз публично выступает в защиту правительственных мер по крестьянскому вопросу. В апрельской книжке «Современника» за 1858 г. была напечатана его статья «О новых условиях сельского быта», где Кавелин пропагандирует идею выкупа крестьянских наделных земель. Статья вызвала недовольство царя, Кавелина обвинили в «красных» убеждениях и отстранили от должности преподавателя наследника. Это обстоятельство выдвинуло Кавелина в либеральных кругах как представителя «свободного» убеждения, а в кругах высшей бюрократии пропало за ним репутацию «опасного» человека, хотя, в сущности, в его взгля-

дах ничего опасного для правительства не было и путь кавелинских умеренных выкупных операций вскоре был принят как вполне удобный для чиновничьих и помещичьих кругов. (О политических взглядах Кавелина подробнее см. примечание № 19.)

В 50-х годах, рядом с ярыми крепостниками, типа Гагарина или Муравьева, Кавелин в среде дворянской интеллигенции казался передовым человеком. К нему приходили, искали совета, вслушивались в его речи, удивлялись его учености. Словом, к Кавелину относились так, как в романе «наивный» Нивельзин и пламенный Соколовский относятся к Рязанцеву.

Первые встречи Чернышевского с Кавелиным относятся ко времени окончания Чернышевским университетского курса в 1850 г., когда Чернышевский намеревался поступить преподавателем в военные учебные заведения. В присутствии Кавелина Чернышевский читал пробную лекцию. Впоследствии Чернышевский встречался с Кавелиным на «вторниках» у Н. И. Костомарова («Русская мысль», 1885, кн. VI, стр. 33), на собраниях общества для пособия нуждающимся литераторам (Юб. сб. Литфонда, СПб. 1909, стр. 6, 99). Кавелин бывал гостем на вечерах Чернышевского (С. П. Зыков, «Русская старина», 1910, № 4).

Чернышевский резко отрицательно относился к взглядам Кавелина и его либеральному благодушию. В личных беседах Чернышевский и Добролюбов, очевидно, «потешались» над Кавелиным (так выразился однажды Добролюбов в письме к Чернышевскому: «Потешался над Кавелиным и Тургеневым, которых душевно люблю», — письмо из Мессины 12/24 июня 1861 г.). Оттенки иронии заметен и в письме Чернышевского к Добролюбову: «Кавелин возвратился из деревни с рассказами о помещичьих злодействах. Вообще Кавелин благодушествует попрежнему» (письмо от 12/24 сентября 1860 г.). Для Чернышевского Кавелин был типичным либералом. Когда ему понадобилось кратко охарактеризовать свои впечатления от либерализма Герцена, он вспомнил именно Кавелина: «Кавелин в квадрате — вот вам и все», — писал он Добролюбову, сообщая ему о своей встрече с Герценом в Лондоне в 1859 г. В обрисовке Рязанцева в «Прологе» отразилась и интонация иронической снисходительности, присущая Чернышевскому, к личности Кавелина, и резко отрицательное отношение к его роли в социально-политической борьбе того времени.

3. Образ Савелова, как государственного деятеля, ближе всего напоминает личность Н. А. Милютин.

Николай Алексеевич Милютин (1818—1872) с 1835 г. состоял на службе в министерстве внутренних дел. В 40-х годах вращался в буржуазно-дворянских либеральных кругах, пользовался расположением со стороны Грановского. Получил известную популярность в связи с городской реформой 1846 г. В 1852 г. был назначен на должность директора хозяйственного департамента министерства внутренних дел. После крымской войны принимал большое участие в разработке вопроса об отмене крепостного права в России и вместе с Кавелиным стал вождем буржуазно-либеральной программы крестьянской реформы. С отставкой товарища министра А. И. Левшина (начало 1858 г.) влияние Милютина в министерстве внутренних дел еще более увеличилось. Весною 1859 г. его назначают товарищем министра. Министр С. С. Ланской находится под его несомненным влиянием, и Н. Милютин становится руководящим лицом в области проведения реформы.

В образе Савелова Чернышевский воспроизводит политические взгляды и настроения, характерные для Н. Милютина, отказываясь от точной передачи его жизненной биографии.

Чернышевский был знаком с Н. А. Милютиным. С. П. Зыков называет Н. А. Милютина в числе гостей Чернышевского на его еженедельных вечерах (С. П. Зыков, «Русская старина, 1910, № 4). С Н. А. Милютиным Чернышевский встречался у Кавелина, на «воскресеньях» которого он иногда бывал.

4. Под именем Нивельзина, по свидетельству Л. Ф. Пантелеева, изображен В. Ф. Луцинин (Л. Ф. Пантелеев, Из воспоминаний прошлого, СПб,

1905, стр. 327). В биографических материалах нет сведений о том, насколько В. Ф. Лучинин был известен Чернышевскому. В биографии В. Ф. Лучинина имеется нечто общее у него с Нивельзиным, но очень немногое. Помещик В. Ф. Лучинин родился в 1834 г., состоял на военной службе, окончил артиллерийскую академию. В конце 50-х годов вращался в либеральных кружках («Исторический вестник», 1911, № 12, стр. 1218). По сообщению Л. Ф. Пантелеева (стр. 327) и А. А. Слепцова (Соч. Герцена, т. XVI, стр. 72), В. Ф. Лучинин в 1861 г. состоял членом тайного общества «Великорусс». Вскоре выехал за границу. Был близок с Герценом, Огаревым, Бакуниным. Много работал в области химии. С 1867 г. жил в России и вел научную работу в области химии. Умер в 1911 г.

5. В рассказе о Левицком многое соответствует тому, что происходило в действительности: Добролюбову в ту пору исполнился двадцать один год. Он — студент последнего курса Педагогического института. По окончании курса Добролюбову действительно угрожала перспектива быть отправленным на службу «чорт знает куда». В Петербурге он остался только потому, что находился в должности «домашнего учителя» у кн. Куракина (в романе Левицкий дает уроки у «вельможи» Илатонцева). Верно и то, что Добролюбов тогда был известен «товарищу министра», на поддержку которого в романе рассчитывает Левицкий. Товарищем министра просвещения состоял кн. П. Вяземский, который до известной степени покровительствовал студенту Добролюбову, оказывая ему помощь в устранении тяжелых материальных затруднений после смерти отца и заступаясь иногда за него перед директором института Давыдовым.

6. Начало знакомства Чернышевского с Добролюбовым произошло несколько иначе, чем это представлено в романе.

Чернышевский познакомился с Добролюбовым через студента Педагогического института Н. И. Турчанинова, своего бывшего ученика по саратовской гимназии. Впервые Чернышевский услышал от Турчанинова о Добролюбове в связи с той опасностью, которой подвергался Добролюбов, когда институтским начальством у него найдены были заграничные издания Герцена (начало 1855 г.). Через год или несколько больше Турчанинов принес Чернышевскому рукопись Добролюбова для напечатания в «Современнике». Это была статья Добролюбова о «Собеседнике любителей русского слова». Статья Чернышевскому чрезвычайно понравилась, и он просил Турчанинова пригласить Добролюбова побывать у него. Добролюбов пришел. Свидание продолжалось долго. О содержании их разговора Чернышевский передает следующее: «...Толковали мы с ним о его понятиях. Я спрашивал, как он думает о том, другом, о третьем; сам говорил мало, давая говорить ему». Чернышевский нуждался в товарище по журнальной работе и хотел выяснить, достаточно ли соответствует образ мыслей Добролюбова излагавшимся тогда в «Современнике» взглядам. «Оказалось, соответствует вполне». Чернышевский пригласил Добролюбова быть постоянным сотрудником «Современника». Но, узнав о том, что Добролюбов у институтского начальства находился в опале, а после обыска 1855 г. на особом политическом подозрении, Чернышевский посоветовал Добролюбову отложить свое участие в «Современнике» до той поры, когда институт будет им совсем окончен. Только в качестве исключения первая статья принималась Чернышевским для напечатания теперь же. Все это происходило не в 1857 г., как сказано в романе, а в 1856 г. Чернышевский очень высоко ценил критическое дарование Добролюбова. «С той поры, как Добролюбов мог беспрепятственно отдаться литературной деятельности, до самого его отъезда за границу, я не писал о тех предметах, о которых писал он».

7. 12 мая 1839 г. в Париже произошло восстание, организованное революционным «Обществом времен года». Вождями восстания были А. Барбес, Л.-О. Бланки и М. Бернар. Восстание было неудачно. Полиция разогнала и арестовала участников восстания. Непосредственных высказываний Чернышевского о восстании 1839 г. в его печатных статьях не имеется. Предшествующие события («первые годы Людовика-Филиппа») Чернышевским оха-

актеризованы в ст. «Июльская монархия». Здесь, кроме указаний на неудачи происходивших революционных выступлений, находим и определение тех условий, выполнение которых Чернышевский обозначает словами «преждевременность», «ошибочность», «недостаток рассудка и терпения». В революционных попытках республиканцев «простолюдины могли принять участие только тогда, если бы предварительно были расположены к борьбе или долгою агитациею, или какими-нибудь особенными обстоятельствами». В этой неподготовленности масс к борьбе и состояли, — по мнению Чернышевского, — «преждевременность» и «ошибочность» выступления республиканцев: «Республиканцы расчетливо шли к той цели, какую действительно имели, но выбрали для взрыва неудобное время и преждевременностью борьбы навлекли на себя неудачу, от которой долго не могли оправиться». То, что на этих страницах «Пролога» говорится о Базаре, Анфантене и о сен-симонистах, находит себе параллель в третьем разделе статьи Чернышевского «Июльская монархия».

8. В Дневнике Чернышевского под датой 19 февраля 1853 г. имеется запись его разговора с Ольгой Сократовной, тогда его невестой: «С моей стороны, — говорит Чернышевский, — было бы низостью, подлостью связывать с своей жизнью еще чью-нибудь и потому, что я не уверен в том, долго ли буду я пользоваться жизнью и свободой. У меня такой образ мыслей, что я должен с минуты на минуту ждать, что явятся жандармы, отвезут меня в Петербург и посадят в крепость»... «Кроме того у нас будет скоро бунт, а если он будет, я буду непременно участвовать в нем»... «Меня не испугает ни грязь, ни пьяные мужики с дубьем, ни резня».

9. Революционное движение во Франции 1848—1851 гг. представляется Чернышевскому делом кучки энергичных людей, к стремлениям которых масса была глуха и равнодушна. Масса пока еще не знала связи между своими интересами и политическим состоянием страны, поэтому она и была тогда инертна. В обзоре политической жизни за апрель 1860 г. Чернышевский писал: «Масса населения ничего не знает, ни о чем не думает, кроме своих материальных выгод, и редки случаи, в которых она хотя замечает отношения своих материальных интересов к политической перемене» (Полн. собр. соч., 1906, т. VI, стр. 491). Поясняя эту мысль, Чернышевский напоминает французские события 1848 г.: «...После Луи-Филиппа продолжалась года полтора так называемая анархия, и французским правителям трудно было ладить с расхаживающею нацией, или собственно даже не с нацией, а с несколькими десятками тысяч энергичных работников Парижа: остальные сотни тысяч работников Парижа и других городов были уми и тогда расположены держать себя смиренно и послушно, а прочим девяти миллионам взрослых мужчин Франции никогда и не приходило в голову буйствовать и непокорствовать» (там же, стр. 492). В результате, в деле освобождения народа оказались действующими не те силы, которым оно действительно было дорого. Политические стремления республиканцев не были связаны с удовлетворением подлинных потребностей масс («Кавеньяк», Собр. соч., Гиз, т. 1, стр. 457, 489 и др.). А те, «несколько десятков тысяч энергичных работников Парижа», которые в этом деле участвовали, хотя и дрались отчаянно, но не понимали, какими средствами может быть улучшено их положение (там же, стр. 481). Дело оказалось в чужих руках, потому и закончилось расправой Кавеньяка и государственным переворотом 2 декабря 1851 г. «Вышла мерзость». «Так или иначе, дурно или хорошо, прошли эти недолгие полтора года, тяжелые для французских правителей, — и дела пошли прежним порядком: правители приказывают, а вся Франция слушается, — то же самое, что было при Луи-Филиппе, только формы приказаний несколько изменились» (Полн. собр. соч., 1906 г., т. VI, стр. 491).

10. Под именем Соколовского изображен С. И. Сераковский (1826—1863).

Сераковский происходил из дворян Волынской губ., родился в 1826 г., отца потерял в раннем детстве, учился в Петербургском университете. 21 ап-

реля 1848 г. был задержан в м. Почаеве, Кременецкого уезда, Волынской губ. Официальная формулировка обвинения Соколовского, как она передается Волгиным, совершенно совпадает с заключительными словами доклада шефа жандармов по делу С. И. Сераковского. В докладе сказано: «Сообразив сам обстоятельства, я нахожу, что хотя улики к прямому обвинению нет, а сам он ни в чем не сознался, но тем не менее обстоятельства дела навлекают на него некоторое подозрение в намерении скрыться за границу и потому необходимо принять в отношении его меры осторожности» (см. документы о С. И. Сераковском, напечатанные в примечаниях М. К. Лемке к ст. Герцена «Сигизмунд Сераковский», Герцен, Собр. соч., т. XVI, стр. 410—411). Ради этой «осторожности» С. И. Сераковский был послан рядовым солдатом в оренбургские батальоны. По возвращении в Петербург он был прикомандирован к Академии Генерального штаба. С. И. Сераковский очень много сделал для отмены телесных наказаний в армии. В конце мая 1860 г. он был командирован за границу для изучения в главнейших западноевропейских государствах военно-уголовного законодательства и статистики европейских армий. В июле 1861 г. он в крепостях Западной России собирал сведения о состоянии арестованных рот. В июне 1862 г. Сераковский был командирован за границу для ознакомления с подробностями западноевропейских военно-пенитенциарных заведений. «Человек деятельности непомерной, — говорит о нем Герцен, — рассеянный, как все люди, поглощенные одной мыслью, сосредоточенные на одном деле, он никогда не знал не только часа, но не знал, обедал или нет, постоянно занятый своим проектом, он не стеснялся с другими и несколько раз приезжал за полночь, будил меня, если я спал, и садился возле постели читать записку листов в пять, которую ему надо было везти утром часов в 9 к Сиднею Герберту (военный министр в Англии. — А. С.) или в конгресс» (Герцен, Сигизмунд Сераковский, Собр. соч., т. XVI, стр. 408).

Чернышевскому С. И. Сераковский был очень близким человеком, Н. Шелгунов называет С. И. Сераковского в числе присутствовавших на защите Чернышевским диссертации «Об эстетических отношениях искусства к действительности» в Петербургском университете 10 мая 1855 г. В 1856 г. С. И. Сераковский составлял для «Современника» «иностранные известия» (см. письмо Чернышевского Некрасову от 5 сентября 1856 г.), Чернышевский бывал у Сераковского и Сераковский у Чернышевского (Н. П. Новик и И. Воспоминания). Известно, что они встречались на вечерах у Н. И. Костомарова («Русская мысль», 1885, кн. 6, стр. 33), у К. Д. Кавелина. Сколько можно судить по мемуарам, характеристические черты личности С. И. Сераковского очень точно переданы в образе Соколовского. Как описывает Н. Новик, Сераковский был «широкоплечий блондин, среднего роста, с пылающими голубыми глазами», «весь порыв — «все возможно, как невозможно», — кричал он». О том, что Сераковский был «горячий и увлекающийся человек», упоминает Н. Шелгунов («Воспоминания», стр. 164). О живом характере Сераковского, о его способности глубоко и целиком отдаваться своей идее говорит и Герцен. К сожалению, не имеется точных сведений о взглядах и внутреннем развитии Сераковского и о том влиянии, которое на него было оказано Чернышевским. В романе Соколовский дан как тип увлекающегося, горячего и прямого юноши, находящегося на каком-то переходном этапе. Он еще пока состоит в числе верящих Рязанцевым, но уже заметны такие его взгляды, которые заставят его стать на сторону Волгина. Пантелеев упоминает о дружбе С. И. Сераковского и с Кавелиным и с Чернышевским.

М. Антонович рассказывает о недоразумении между Чернышевским и Сераковским, вызванном особенностями манеры Чернышевского вести разговор с новым для него лицом (шутливая ирония, уклончивость, нежелание переходить сразу на серьезный тон): «Сераковский просто был возмущен и взбешен приемом Н. Г. Чернышевского, когда он явился к нему в первый раз. Конечно, потом, узнавши поближе Н. Г., он стал приятелем его» («Памяти Н. Г. Чернышевского», Сб. Вольного экономического общества, СПб. 1910,

стр. 17). Если это не реминисценция М. Антоновича из романа (воспоминания М. Антоновича относятся к 1910 г.), то мы здесь имеем показание, сколь близка к действительности была известная сцена первого разговора между Волгиным и Соколовским. Рассуждения Соколовского в романе о государственно-политической системе в России, о стихийном прогрессивном росте страны наперекор стремлениям деспотического феодального правительства — в основном целиком совпадают с мыслями Чернышевского, высказанными, например, по поводу книги Гизо, применительно к истории европейской цивилизации эпохи феодализма: «Если в Европе росли успехи цивилизации и совершенствовались процессы труда и знаний, то это происходило лишь наперекор формам государственного феодального строя, которые могли только задерживать и стеснять запросы страны к развитию». (Поан, собр. соч., 1906, т. VI, стр. 346—350). Несомненно, что, говоря о губительной роли феодального строя, о паразитизме феодалов, о порабощении труда и, вследствие этого, медленности совершавшегося прогресса, Чернышевский имел в виду больше всего Россию (как и Соколовский в романе). Ясное обозначение этой мысли применительно к русской обстановке в журнальной статье, конечно, было невозможно по условиям цензуры.

По наблюдениям Н. Николадзе, С. И. Сераковский пользовался особым вниманием и доверием со стороны Чернышевского, и сам относился к Чернышевскому с исключительным уважением.

Сераковский участвовал в создании революционной организации среди польских офицеров, принимал участие в обществе «Земля и Воля» и погиб как революционер-участник польского восстания 1863 г. 27 апреля этого года он был ранен, взят в плен и 15 июня повешен по распоряжению М. Муравьева.

О том, что в лице Соколовского изображен С. И. Сераковский, Чернышевский говорил лицам, с которыми ему приходилось общаться в Александровском заводе (см. воспоминания С. Стахевича, В. Н. Шаганова, Николаева).

11. Причины уклончивости Волгина в первом разговоре с Соколовским намеренно затемнены. Несколько ниже Волгин поясняет: «Я не желаю, чтобы делались реформы, когда нет условий, необходимых для того, чтобы реформы производились удовлетворительным образом».

12. Волгин считает потрагание, вызванное крымской войною, недостаточно значительным для того, чтобы возбудить революцию в стране. В возможность революции теперь, при выполнении крестьянской реформы, Волгин не верит: «Грозить революцией... не совсем честно грозить тем, во что сам же первый веришь меньше всех».

В оценке крымской войны мнение Волгина совпадает с теми, которые были высказаны Чернышевским в «Письмах без адреса», 1862 г.: «Крымская война, при всех своих неудачах и при всей своей обременительности, не нанесла России удара слишком тяжелого. Неприятель едва коснулся наших границ на двух окраинах, далеких от коренных русских обитателей... — не могло исчезнуть и в нас уважение к старому порядку: оно только поколебалось, но не пало. Такова была степень глубины впечатления, обратившего нас к заботам о реформах. Оно было мелко, поверхностно» (Собр. соч., Гиз, т. 1, стр. 118).

13. Чернышевскому было свойственно ясное понимание значения революционной тактики. С. Г. Стахевич приводит следующий отзыв Чернышевского о революционере М. Д. Муравском: «Он (Муравский) принадлежит к разряду тех прямолинейных революционеров, которые не умеют, да и не хотят принимать в соображение обстоятельства времени и места. В критические моменты народной жизни эти люди пронесут свое знамя через сцену действий; это они умеют делать и сделают. Но критические моменты редки и коротки; до них и после них надо махнуть на этих людей рукой: ничего из них нельзя извлечь, или разве очень мало. Святые младенцы: святые — правда, но и младенцы — тоже правда» (С. Г. Стахевич, Среди полити-

ческих преступников. Сб. «Н. Г. Чернышевский», изд. О-ва политкаторжан, 1928, стр. 82).

Н. Николадзе рассказывает, что Чернышевский, услышав о том, что будто бы М. И. Михайлов открыто изложил в сенате свои убеждения и произнес обвинительную речь против правительства, был недоволен этим: «Ему вовсе не следовало сознаваться, а нужно было сделать все, что только возможно, чтобы спастись. Нас уже не так много, чтобы самим лезть в петлю» (Н. Николадзе, Каторга и ссылка, 1927, кн. 4, стр. 30).

14. Прототипами образа «Петра Степановича» (в романе без фамилии) могли быть Я. И. Ростовцев или А. И. Левшин.

Я. И. Ростовцев (1803—1860) в начале 1857 г. был назначен членом негласного комитета (с 1858 г. — Главный комитет) по крестьянскому делу и был одним из трех членов образованной при комитете комиссии для рассмотрения поступавших проектов и записок. В июле 1858 г. Ростовцев был назначен членом комиссии для предварительного рассмотрения проектов положений, поступавших из губернских комитетов. В 1859 г., при учреждении редакционных комиссий, был назначен председателем их. Являясь верным исполнителем правительственных предначертаний, Ростовцев в зависимости от перемен в настроениях правящих сфер легко менял направление своей деятельности. В начале реформы, когда «предначертания» были неясны, Ростовцев был очень осторожен и занимал позицию ближе к реакционерам-крепостникам. С изменением правительственного курса стал «либералом». Имеются сведения о том, что в спорах, происходивших в редакционных комиссиях, Ростовцев часто терялся и даже в самом ходе заседаний искал поддержки у Н. А. Милютина.

Если Чернышевский при создании образа Петра Степановича вспоминал Ростовцева, то лишь в той степени, в какой ему это было нужно для характеристики некоторой разновидности чиновника-бюрократа. Круг личной домашней жизни оставался в стороне, и в этом отношении между Петром Степановичем и Ростовцевым едва ли есть какое-нибудь сходство.

По иерархической чиновничьей линии, по министерству внутренних дел, до 1859 г. ближайшим начальником Н. Милютина был товарищ министра А. И. Левшин. Весьма возможно, что Чернышевский, когда говорил о стремлении Савелова столкнуть своего друга и сестр в его место, имел в виду то перемещение, которое произошло в 1859 г., когда Милютин занял место Левшина и стал товарищем министра. До этой поры Милютин был одним из ближайших советников Левшина, который, как и Петр Степанович, был тоже «не орел по уму». П. П. Семенов-Тянь-Шанский, близкий Левшину человек и очень хорошо его знавший, воздававший дань его «благородству», «образованности» и др., в конце концов вырисовывает очень типичную для бюрократа фигуру с вялыми либерально-благонамеренными склонностями.

15. Образ Чаплина является собирательным типом. В нем Чернышевский, вероятно, больше всего имел в виду личность известного М. Муравьева (Вешателя). Для образца цинического эгоизма, полной аморальности, животной алчности и тупой жестокости более всего подходила фигура Муравьева. В период крестьянской реформы Муравьев был министром государственных имуществ и членом Главного комитета по крестьянскому делу. С 15 июля 1858 г. он входил в состав особой комиссии из четырех членов комитета — Ланского, графа Панина, Муравьева и Ростовцева — для предварительного рассмотрения «положений губернских комитетов». Во весь период подготовки реформы Муравьев был одним из наиболее реакционных представителей крепостников.

16. Мысли Волгина совпадают с высказываниями Чернышевского, с той лишь разницей, что Волгин не принимает участия в обсуждении крестьянской реформы, а пишет ряд статей, посвященных крестьянскому вопросу, открывая в «Современнике» особый отдел: «Устройство быта помещичьих крестьян», который почти целиком заполняет своими статьями. В конце 1859 г., окончательно убедившись в крепостническом характере и значении реформы, Чернышевский умолкает. Его последняя статья по крестьянскому

вопросу помещена в № 10 «Современника» за 1859 г. Слова Волгина свидетельствуют о подлинном смысле этого молчания.

В легальной печати Чернышевский с такою ясностью не мог высказаться. В статьях по крестьянскому вопросу, печатавшихся в «Современнике» в 1859 г., он много раз говорил о «выкупе», стремясь возможно более снизить его нормы сравнительно с теми, которые предлагались различными кругами дворянства, в том числе и самого либерального. Проекты выкупа, хотя бы в самых минимальных расчетах, для Чернышевского, были вынужденными. К этому его обязывал и практический ход обстоятельств и вся историческая обстановка реформ.

Вычисления Чернышевского были, несомненно, рассчитаны на агитационный эффект. С. Стахевич в воспоминаниях приводит следующие слова Чернышевского: «Жизнь меняет человека, приучает его обращать внимание на обстоятельства, на соотношение общественных сил. Знаю, что вот это и это — хорошо; что из того. Необходимо соображать: это и это достижимо ли при данных условиях. Я, например, смолоду разве так думал о надельных землях. Вся земля должна быть крестьянская и никаких разговоров о выкупах и т. п. Ну, пришло время писать, вижу — нельзя так писать: недостижимо, ничего не выйдет... Пошли в ход усадьбы, надель, выкупы» (С. Г. Стахевич, Среди политических преступников; Н. Г. Чернышевский, Сборник «Н. Г. Чернышевский», изд. О-ва политкаторжан, М. 1928, стр. 108—109). Однако и в легальных статьях Чернышевский находил способы провести свою мысль о ненужности и несправедливости какого бы то ни было выкупа. В статье «Материалы для решения крестьянского вопроса» («Современник», 1859, № 10) Чернышевский писал: «юридических оснований для вознаграждения нет, и если идет о нем речь, то должна идти на основании государственной пользы и житейской справедливости» (Полн. собр. соч., 1906 г., т. IV, стр. 543).

Для Волгина было бы предпочтительнее, если бы дело «освобождения» крестьян велось откровенными крепостниками. Либеральные предложения являются только обманом, затушевывающим компромисс с крепостниками. Поэтому либеральные предложения более вредны. Чем более грубо и откровенно повело бы себя крепостничество, тем яснее была бы для народа подлинная сущность помещичьего «освобождения» крестьян. Подобная мысль была высказана Чернышевским в конце 1858 г. в примечании к статье П. В. Долгорукова: «Нет, лучше уж вовсе не давать ничего, ни земли полевой, ни усадеб, нежели давать землю в таком урезанном, ни на что не годном количестве. Тогда, по крайней мере, он (крестьянин) хотя будет прямо знать, какая судьба ему готовится» (С. Чернов, К истории борьбы Н. Г. Чернышевского за крестьянские интересы накануне «воли», «Каторга и ссылка», 1928, № 7, стр. 19. Статья П. В. Долгорукова и примечания к ней Чернышевского в свое время напечатаны не были).

До тех пор пока решение вопроса о крепостном праве находится в руках помещиков, Волгин считает его мелким делом. Для того, чтобы гарантировать подлинные выгоды крестьян, нужно уничтожить помещичью власть, изменить в стране весь государственный строй в целом. К этой мысли Волгин возвращается много раз. «Все вздор перед общим характером национального устройства». «Что такое крепостное право. — Мелочь...», «Сущность дела в том, что за право существовать и работать мужик обязан платить частному лицу — землевладельцу — подать — натурою или деньгами — барщину или оброк»... «Вот серьезная сторона дела. Перемены в ней не будет, потому что общество не думает об этом». Ленин ссылался на подобные высказывания Волгина, в которых наиболее отчетливо сказалось глубокое понимание Чернышевским внутренней связи экономической и политической проблемы своего времени: «Чернышевский понимал, что русское крепостническо-бюрократическое государство не в силах освободить крестьян, т. е. ниспровергнуть крепостников, что оно только и в состоянии произвести «мерзость», жалкий компромисс интересов либералов (выкуп — та же покупка) и помещиков, компромисс, надувающий крестьян призраком обеспечения и свободы, а на

деле разоряющий их и выдающий головой помещикам. И он протестовал, проклинал реформу, желая ей неуспеха, желая, чтобы правительство запуталось в своей эквилибристике между либералами и помещиками и получился крах, который бы вывел Россию на дорогу открытой борьбы классов» (В. И. Ленин, Собр. соч., изд. 4-е, т. 1, стр. 264).

17. Характеризуя мировоззрение Чернышевского, Ленин писал: «Чернышевский был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую, полуфеодальную, крестьянскую общину, который не видел и не мог в 60-х годах прошлого века видеть, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма. Но Чернышевский был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя — через препоны и рогатки цензуры — идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей» (В. И. Ленин, Собр. соч., изд. 4-е, т. 17, стр. 97).

18. В. И. Ленин называл эти упреки Волгина словами «настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения. Тогда ее не было» (В. И. Ленин, Собр. соч., изд. 4-е, т. 21, стр. 85).

Вопрос о революции в России Чернышевским никогда не снимался. Если народ не пробужден «долго агитациею», то он мог быть поднят «особыми обстоятельствами» (выражение Чернышевского в статье «Июльская монархия», Собр. соч., Гиз, т. 1, стр. 407). Эта мысль включена в круг рассуждений Волгина, который считает, что такие «особенные обстоятельства» для России неминуемо должны притти в будущем.

19. Кавелин являлся сторонником освобождения крестьянства в интересах либерального дворянства, наиболее заинтересованного в буржуазном переустройстве экономических отношений. Он стремился к тому, чтобы обеспечить землевладельцу наиболее прочные и выгодные условия в эксплуатации вольнонаемного труда крестьян.

По мнению Кавелина (см. Собр. соч. Кавелина, т. II), крепостных следовало «освободить вполне, совершенно, из-под зависимости от их господ». Далее крестьян надлежало «освободить не только со всем принадлежащим им имуществом, но и непременно с землею» (там же, стр. 43). Земля должна была привязывать крестьянина к оседлости, при этом представляемые крестьянам наделы, по мнению Кавелина, следовало убавить. Третий пункт кавелинской программы гласил: «Освобождение может совершиться во всяком случае не иначе, как с вознаграждением владельцев». В отношении выкупа «свободы» личности Кавелин откровенно писал: «Выплата им (помещикам) денег за одну землю, не принимая в расчет крепостных людей, была бы весьма несправедлива и неуравнительна. Несправедлива — потому, что крепостные составляют такую же собственность владельцев, как и земля» (стр. 46—47).

Кавелин был врагом революции. Особенно сильно обнаружился его страх перед революцией после событий, связанных с революционной ситуацией 1861 г. После арестов 1862 г. (в том числе и ареста Чернышевского) он писал Герцену: «Известия из России, с моей точки зрения, не так плохи. Арестован не Николай, а Александр Соловьевич. Аресты меня не удивляют, и, признаюсь тебе, не кажутся возмутительными!.. Чернышевского я очень, очень люблю, но такого брьюлона, бестактного и самонадеянного человека я никогда еще не видал, и было бы за что погибать. Что пожары в связи с прокламациями — в этом нет теперь ни малейшего сомнения» («Письма К. Кавелина и И. Тургенева к Герцену», Женева, 1892, стр. 82).

«Вот образчик профессорски-лакейского глубокомыслия! — замечает по поводу этого письма Ленин. — Винаваты во всем эти революционеры, которые так самоуверенны, что освистывают фразерствующих либералов, так зазорны, что тайно и явно работают против правительства, так бестактны, что попадают в Петропавловку. С подобными людьми и он, либеральный

профессор, расправлялся бы «всеми средствами», если бы был у власти» (В. И. Ленин, Собр. соч., изд. 4-е, т. 5, стр. 30).

Антагонизм между Кавелиным и Чернышевским является ярчайшим примером борьбы двух тенденций: тенденции либеральной и тенденции революционно-демократической.

20. Деятель крестьянской реформы Н. А. Милютин являлся проводником стремлений буржуазной части дворянства и либеральной бюрократии. Дворянская масса представлялась ему «неподготовленной» и «неразвитой» для того, чтобы понимать необходимость и важность предпринятых правительством изменений (см. его письмо к П. Д. Киселеву от начала 1858 г., «Русская старина», т. 97, 1899, стр. 271). Враг конституционных намерений, он считал, что реформа должна быть проведена сверху, и в процессе внутрдворянской борьбы бдительно охранял принципы правительственной инициативы. Правительство он считал «либеральнее общества». При всем том Александр II не доверял Милютину и согласился на его назначение товарищем министра только в качестве «временного исправляющего должность». Это назначение в светской придворной среде было принято с известным недовольством (см. «Из записок М. А. Милютинной», «Русская старина», 1899, январь, стр. 63).

Н. А. Милютин, либеральный чиновник, служил на деле тем же интересам дворянства. Борьба с крепостниками происходила лишь «за форму и меру уступок» и всегда кончалась полным компромиссом. Н. А. Милютин, при всем своем либерализме, ни на минуту не забывал об ограждении «государственного порядка». Он внимательно наблюдал, чтобы крестьяне, освобожденные от помещичьей опеки, не оказались, действительно, в какой-нибудь мере «свободными», и много потратил сил, чтобы всячески ограничить крестьянское «самоуправление». Характерно, что Н. Милютин подал голос за узаконение телесных наказаний.

Но трения у Милютина с открытыми реакционерами все же были. Трудно сказать, какие ближайшие факты имеет в виду Чернышевский, рассказывая о победе савеловской партии над Чаплиным. Дело происходит, повидимому, перед опубликованием известных рескриптов конца 1857 г. В романе в этом месте говорится об ожидании обнародования какой-то решающей «бумаги», после которой должны открыться «губернские собрания» для обсуждения условий реформы. Н. А. Милютин в составлении рескриптов принимал большое участие. Не имея по службе еще прямого отношения к реформе, он, однако, уже в ту пору был ближайшим советником и министра С. С. Ланского и его товарища А. И. Левшина. Немалую роль играл Н. А. Милютин в некоторых ближайших обстоятельствах, которыми сопровождалось опубликование рескрипта. Крепостническая партия всячески старалась задержать рескрипт в секретном комитете и не допускать его к опубликованию. Уже были предприняты меры к получению от царя приказания не рассылать его. Предвидя это, Ланской с Милютиным приложили все усилия к тому, чтобы отпечатать его в одну ночь и наутро разослать. Когда было получено приказание о задержке, было уже поздно. В романе этот акт неожиданного появления «бумаги» сопровождается отставкой Чаплина, т. е. устранением какого-то крупного воротилы-крепостника. Прямой аналогии этому эпизоду в истории подготовки губернских дворянских комитетов нет.

Несколько позднее Н. А. Милютин столкнулся с Я. И. Ростовцевым по поводу выработки инструктивных программ к работам губернских комитетов и проектировавшегося тогда установления института военных генерал-губернаторов для усмирения крестьянских восстаний, которые ожидалось правительством в связи с объявлением царского манифеста. Весной 1858 г. в Главный комитет были представлены два проекта наставительных записок к руководству губернским комитетам: один — составленный Позеном и рекомендованный Ростовцевым, другой — составленный Я. И. Соловьевым и Н. А. Милютиным и рекомендованный С. С. Ланским. Главный комитет принял проект Позена и Ростовцева. В это же время кн. Орлов (председатель Главного комитета) и Ростовцев добивались предупредительных репрессивных мероприятий в виде

установления института генерал-губернаторов. Н. А. Милютин вместе с В. А. Арцимовичем и Д. А. Оболенским составляли свои записки и контр-проекты (Н. А. Милютин, «Русская старина», т. 97, стр. 272 и сл.).

21. Здесь имеются в виду находившиеся в эмиграции Герцен и Огарев.

22. Рассказ об отношениях Левицкого и Анюты находится в некотором сходстве с фактами, известными из биографии Добролюбова.

23. О своем столкновении с товарищами, возникшем по недоразумению из-за директора, Добролюбов подробно рассказывает в письме к Турчанинову от 11 июня 1859 г. Поводом к разговору с директором Давыдовым (Степка в «Дневнике Левицкого») послужило сообщение проф. Срезневского о том, что Давыдов на последней конференции ругал Добролюбова «на чем свет стоит», и о том, что в 4-й петербургской гимназии открылась вакансия учителя словесности, на замещение которой был указан Добролюбов. Срезневский советовал Добролюбову переговорить с Давыдовым и взять от него заверение об определении на эту должность. Самому Добролюбову к тому же необходимо было выяснить свое положение с тем, чтобы окончательно принять решение, поступить ли ему на службу или быть домашним учителем у кн. Куракина. Сцена, которая произошла между Давыдовым и Добролюбовым, очень близко передана в «Дневнике Левицкого»: «Давыдов вышел ко мне мрачный, воображал, конечно, что я буду ругаться за медаль» (т. е. за то, что не получил медали, которой требовали для него профессора. — *Примечание Н. Г. Чернышевского*). «Что вы?» — спросил он отрывисто. А я ему отвечал такой речью: «Я должен ваше превосходительство поблагодарить за доброе мнение, которое Вы вчера на конференции обо мне высказали». Давыдов смутился даже от неожиданности и не вдруг собрался ответить мне... Давыдов заговорил что-то о милостивом отношении начальства. Добролюбов его перебил, заметив, что милостей начальства он никогда не ожидал, что ему теперь важнее всего поступление на службу, и задал Давыдову вопрос о возможности определения его на службу в 4-ю гимназию. На это Давыдов ответил наставительной речью, которую Добролюбов вынужден был выслушать до конца. Давыдов придал этой истории тот смысл, что Добролюбов являлся к нему принести благодарность за его милости и обещал на будущее время вести себя хорошо, лишь бы ему дали место. Слухи о разговоре распространились по институту и «добрые товарищи, — пишет Добролюбов, — набросились на меня». Этому поверили некоторые из самых близких друзей Добролюбова, в том числе и Турчанинов (адресат письма), в «Дневнике Левицкого», очевидно, это — Черкесов. Добролюбов этим был чрезвычайно оскорблен. Его состояние положено Чернышевским в основу характеристики поведения Левицкого в этом эпизоде. Слова письма Добролюбова совершенно совпадают с тем, как трактовано настроение Левицкого в романе.

24. Мысль о полной зависимости административных и правовых норм и свободы личности в буржуазном обществе от интересов господствующих классов Чернышевским высказывалась и раньше: «Человек, зависимый в материальных средствах существования, не может быть независимым человеком на деле, хотя по букве закона и провозглашалась его независимость» («Заметки о журналах», Полн. собр. соч., 1906, т. III, стр. 183); «Мало того, чтобы сказать: «ты имеешь право»; надобно дать возможность, дать средства пользоваться этим правом» (статья о кн. С. Муравьева «Тюрго», М. 1868. Полн. собр. соч., 1906, т. IV, стр. 228); «...Кто не пользуется политической властью, тот не может спастись от угнетения, т. е. от нищеты, т. е. от нежества» («Июльская монархия», Полн. собр. соч., т. VI, стр. 81).

Слова Волгина о «суде присяжных» не могли относиться к 1857 г. Правда, разговоры о судебной реформе были и тогда. С 1857 г. по 1861 г. в Государственном совете обсуждались четырнадцать законопроектов о судебной реформе. Осенью 1861 г. под наблюдением государственного секретаря В. П. Будкова начались работы комиссии по выработке судебных уставов. В декабре 1863 г. Государственный совет приступил к рассмотрению проектов судебных уставов. 2 ноября 1864 г. рассмотрение судебных уставов было закончено; 20 ноября этого года получена санкция и повеление царя к их опубли-

ликованию. В России вводился «суд присяжных». В либеральном лагере это нововведение прокламировалось как великое достижение, образец разумности и великодушия правящих сфер. До Чернышевского этот шум о «суде присяжных» мог доноситься уже отдаленно, когда он был в крепости и в Сибири. «Пролог» свидетельствует, что уже тогда Чернышевский понимал иллюзорность этого «улучшения» и предсказывал неизбежность подчинения новых судов нормам полицейско-монархического государства.

25. В стремлениях Волгина убедить Левицкого отказаться от литературной работы сказала только одна сторона отношений Чернышевского к своей журнальной деятельности. Волгин указывает на жалкое положение литературы под ярмом цензуры при политическом невежестве и индифферентизме общества. Однако нельзя сказать, что Чернышевский совсем не ценил свою огромную работу в «Современнике». В противном случае немислима была бы та горячая, энергичная преданность, с которою Чернышевский отдавался этому делу в течение целого ряда лет, пользуясь каждой возможностью, чтобы через все «препоны и рогатки цензуры» донести до читателя революционное слово. По словам А. А. Слепцова, когда с Чернышевским велась беседа о возможности его работы в обществе «Земля и Воля», он прежде всего указал на затруднения, которым подверглась бы в этом случае его работа в «Современнике»: «Он (т. е. «Современник». — А. С.), — говорил Н. Г., — мне дорог как кафедра, которой не должно лишиться ни для меня, ни для вас, поскольку вы разделяете общий его тон» (Герцен, Собр. соч. под ред. М. Лемке, т. XV, стр. 75).

Как аналогию этому эпизоду нужно вспомнить также признание «старого журналиста» в романе «Алферьев»: «У многих журналистов есть — и у меня была — манера отклонять от литературы всякого порядочного человека; вероятно, по нежеланию делиться с другими приятностями этого дела» (Полн. собр. соч., 1906, т. X, ч. 2-я, стр. 6).

26. В период написания «Пролога» Чернышевский ждал прилива революционной волны. Происходили события франко-прусской войны. Только что закончился разгром французской армии Наполеона III. Используя создавшуюся ситуацию, русское правительство решило ликвидировать тяжелое обязательство, принятое после крымской войны по условиям Парижского мира в 1856 г. 19 октября 1870 г. государственным канцлером А. М. Горчаковым всем державам, участницам Парижского договора, была разослана депеша, в которой русское правительство, ссылаясь на то, что Парижский договор уже неоднократно нарушался, снимало с себя обязательства и заявляло, что оно, вопреки Парижскому трактату, будет строить и держать военные суда на Черном море.

Эти факты служили для Чернышевского признаком приближения крупных событий в Западной Европе и революции в России. В письме к жене, при котором в числе других рукописей посылался и «Пролог» (от 12 января 1871 г.), Чернышевский писал: «Для всего континента Западной Европы начинается новый период жизни. Когда отразятся результаты торжества Германии на России. Мы здесь еще не знаем, какой оборот принимает дело по требованию русского правительства иметь флот на Черном море. Но, милый мой друг, ни в одном из важных вопросов истории Европы и Америки в последние 10 лет мои соображения не оказались ошибочными. А теперь, легко предвидеть, что будет с Россией через два, три года, — или через год. — Вот этого только еще не вижу я отсюда: будет ли отсрочка хоть на три или на два года столкновению России с Западной Европой, — или оно уже началось. Бедный русский народ, тяжело придется ему в этом столкновении. Но результат будет полезен для него. И тогда, мой друг, понадобится ему правда. Я уже не молод, мой друг, но помни, наша с тобой жизнь еще впереди».

27. Волгин несколько абстрактно рассуждает об идеальной предпочтительности мирного разрешения общественных конфликтов, оперируя при этом ссылкой на истины политической экономии. Известно, что Чернышевский стоял на позициях непримиримой революционной борьбы с самодержавием. Чернышевский понимал неизбежность скачков в истории человечества и высказывал это не один раз. Еще юношей в дневнике 20 января 1850 г. он

записал: «Человек, не ослепленный идеализацией, умеющий судить о будущем по прошлому и благословляющий известные эпохи прошедшего, несмотря на все зло, какое сначала принесли они, не может устрашиться этого; он знает, что иного нельзя ожидать от людей, что мирное, тихое развитие невозможно. Пусть будут со мною конвульсии, — я знаю, что без конвульсии нет никогда ни одного шага вперед в истории. Разве и кровь в человеке двигается не конвульсивно. Биение сердца разве не конвульсия? Разве человек идет не шатаясь. Глупо думать, что человечество может идти прямо и ровно, когда этого до сих пор никогда не бывало». В пятой книжке «Современника» за 1859 г., полемизируя с Б. Н. Чичериным, он писал: «Чичерин не против развития, он только хочет, чтобы развитие совершалось бесстрастным образом, по рецепту спокойствия и всесторонности. К сожалению, этого никогда не бывало». «До сих пор история не представляла ни одного примера, когда успех получался бы без борьбы. Но по мнению г. Чичерина, — борьба вредна. До сих пор мы знали, что крайность может быть побеждена только другою крайностью, что без напряжения сил нельзя одолеть сильного врага...» («Чичерин как публицист», Полн. собр. соч., 1906, т. IV, стр. 468—469.)

Рассуждения Волгина о преимуществе «спокойного хода улучшений» явились отголоском утопических взглядов Чернышевского. Но этот «представимый» в идеале «спокойный ход улучшений» Волгин, как и Чернышевский, считает неосуществимым. Только революция является подлинной силой общественного процесса.

28. В отношении Волгина к Левицкому близко воспроизводятся отношения Чернышевского к Добролюбову. Чернышевский заботливо предостерегает большого Добролюбова от излишней работы: «Не надрывайте себя письмом. Еще успеете просвещать отечество — время терпит, оно и через десять лет будет еще таково же, как теперь».

Так же, как и Волгин в Левицком, Чернышевский глубоко ценил в Добролюбове человека, преданного народному делу и способного принести ему великую пользу. «Когда увидимся с вами, — писал Чернышевский Т. К. Гринвальд после смерти Добролюбова, — поцелуемся и поплачем вместе о нашем друге... Вот уже редкий день проходит у меня без слез... Лучшего своего защитника потерял в нем русский народ».

29. Ср. слова Волгина: «Не стоит горячиться, потому что все мелочь и вздор...» Волгин проникнут «глубоким презрением к настоящему и ко всякой деятельности в настоящем». «Принципом его было ждать и ждать, как можно дольше, как можно тише ждать».

В этом споре Чернышевский-автор, конечно, не с Волгиным, а с Левицким. Это ясно и из контекста романа и из всех тех сведений, какие мы имеем о личности Чернышевского.

Автор отмечает бессилие Волгина перед уверенностью Левицкого, тем самым подчеркивая правоту последнего: «Об это (т. е. о возражения Левицкого. — А. С.) разбивались все его насмешки над его собственной деятельностью, которая кажется ему пустою, и над моими стремлениями хоть к такой же работе, положим и действительно мелкой, жалкой». Деятельность Чернышевского тем и замечательна, что при всех стеснениях, при всей узости предоставленных возможностей для общественного дела, он никогда не покидал ее. О каком-нибудь соответствии подобных высказываний Волгина с поведением Чернышевского не может быть и речи.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ДЕВУШКИ *

1. Повесть посвящена Виктории Ивановне Пыпиной (рожд. Даниловой), жене двоюродного брата Н. Г. Чернышевского Сергея Николаевича Пыпина (ум. в 1909 г.).

Описание внешнего вида дома, где живет героиня повести, совпадает с расположением дома, двора и «флигеля» в Саратове, где жили Чернышевские

* В составлении примечаний к этой повести принимал участие А. Гуральник.

и Пыпины. Упомянутые в повести «Буркин сад», «Сад Громова», «Монастырская гора», «Соколова гора» — места в окрестностях Саратова с теми же названиями. Во внешних фактах жизни брата героини имеются совпадения с фактами жизни Александра Николаевича Пыпина, который тоже первоначально учился в саратовской гимназии, затем поступил в Казанский университет, в котором он пробыл лишь один год, и, переведенный на 2-й курс, с осени 1850 г. поступил в Петербургский университет, затем, будучи студентом, начал печататься в журналах. Никаких иных совпадений с сюжетом и содержанием повести в жизни семьи Пыпиных и Чернышевского не было. «История одной девушки» связана со всей критикой Чернышевским буржуазной семьи и брака, она направлена против господствовавшей ханжеской морали. В этой критике Чернышевский близко подошел к Марксу и Энгельсу, утверждавшим в «Коммунистическом манифесте», что «буржуазия сорвала с семейных отношений их трогательно-сентиментальный наряд и свела их к чисто денежным отношениям». Чернышевский в статье «Июльская монархия» («Современник», 1860 г.) писал: «Самый брак стал просто коммерческой сделкой, денежным расчетом: жених продает себя, невесту продают. При таком начале невозможно хорошее продолжение супружеской жизни...» Эту истину инстинктивно поняла героиня повести. Но в отличие от Веры Павловны, Лиза не нашла в себе силы окончательно порвать с нравственными предрассудками, она остается привязана к той «мелкой, скудной, неподвижной жизни», в которой прозябали и ее родители. Повесть воспринимается как протест против всего буржуазно-помещичьего порядка, против его принципов и живой морали, развращающей человека.

Борьба за освобождение женщины в то время была одновременно борьбой против крепостничества, против обладания живыми «душами». Отсюда понятен интерес к этому вопросу, который проявлялся у Чернышевского еще в юношеских литературных опытах и занимал видное место во всем его творчестве.

О значении, которое придавал Чернышевский делу освобождения женщины и борьбе с лживой господствующей моралью, свидетельствуют хотя бы слова, написанные им в примечаниях к «Основам политической экономии» Д. С. Милля: «Приобретение женщиной той самостоятельности в отношении к мужчине, которой теперь пользуются одни мужчины в отношении к женщине, довольно скоро привело бы нацию к улучшению нравственности». С этой точки зрения понятно утверждение Чернышевского: «Кто сочиняет нравственность для других, а не для себя, тот сочиняет плохую нравственность» (см. Приложения к «Истории одной девушки»). Эта «плохая нравственность» «делает судьбу женщины, когда она становится развитым человеком, жалкой, она лишается всякой вероятности счастья», «ей нет хода вперед».

2. Образ Лачинова один из наиболее удавшихся Чернышевскому в комментируемой повести. Лачинов — своеобразно трансформированный «лишний человек», один из тех, «которые загубили свою жизнь в эпоху безнадежной летаргии общества».

В уста Лачинова Чернышевский вложил знаменательные слова о банкротстве буржуазной революционности. Но Лачинов из этого исторического опыта сделал неверный вывод о бесплодности любой революционной деятельности. «Я не могу разделить их самообольщения» — эти слова адресованы Лачиновым поднимающейся революционной демократии. Моральная деградация Лачинова, как показывает Чернышевский, — неизбежный результат неверия в возможность переделать общественную жизнь, античеловечность которой он остро ощущал.

3. (См. приложения.) Под именами Благодатского и писателя Онуфриева Чернышевский изобразил Добролюбова и Гончарова. Из данного отрывка видно, что мировоззрение Гончарова, умеренного либерала, было органически чуждо вождю революционной демократии. Напомним, что Чернышевский в своих литературно-критических статьях отзывался о Гончарове очень холодно, ограничиваясь рядом беглых общих замечаний. Укажем на характерное место из «Очерков гоголевского периода»: «...Он (Белин-

ский) с полной готовностью признавал все достоинства произведений словесности, которые были написаны не в том духе, какой казался ему сообразнейшим с потребностями нашей литературы, лишь бы только эти произведения имели положительное достоинство. Для примера напомним его отзывы о романе г. Гончарова «Обыкновенная история» (см. том III наст. изд., стр. 232).

Отзывы о Гончарове, встречающиеся в личной переписке Чернышевского, неизменно отрицательны, в духе комментируемых мест из повести «История одной девушки». Напр., «...в холодности Вам не следует упрекать себя, — писал Чернышевский Некрасову. — Это все равно, что Дружинина упрекать в пылости или Гончарова в избытке благородства» (письмо от 5 ноября 1856 г.). Или: «Вообще из людей, участвующих в петербургской журналистике, даже те, которые не любят его (речь идет о Добролюбова) (по личным отношениям), не имеют сказать о нем ничего, кроме похвал» (исключение остается за Булгариным, Дружининым и Гончаровым) (письмо А. С. Зеленому 26 сентября 1856 г.).

Чернышевский дал и объяснение причин своего отрицательного отношения к Гончарову и ему подобным писателям, которые «не выделялись из толпы людей благонамеренных» (по своему образу мыслей): «...я не охотник щадить то, что не нравится мне, когда речь идет о вопросах науки и литературы или чего-нибудь такого, не личного, а общего. Поэтому я далеко не такого высокого мнения о некоторых из поэтов и беллетристов моего времени, как люди более мягкого характера. По-своему, я сужу о них совершенно добродушно. Но они мелкие люди, кажется мне. И совершенно добродушно высказываемое о них мнение человека, считающего их мелкими людьми, должно казаться жестким большинству публики, привыкшему считать их копытными людьми» (письмо А. Н. Пыпину, 1883 г., Лит. насл., т. III, стр. 29).

Большой интерес представляет высказывание Чернышевского о принципах критики Добролюбова. Вооруженный самым передовым для своего времени методом, озабоченный судьбами родного народа, горя страстным желанием найти пути к счастливому будущему своей родины, критик-публицист Добролюбов умел глубже, чем сами авторы рецензируемых им произведений, проникнуть в смысл созданных писателями образов и картин; так, например, Добролюбов намного шире, чем сам Гончаров, понял и интерпретировал объективное значение «Обломова» и обломовщины. В этом заключен смысл комментируемого нами отрывка из приложения к «Истории одной девушки».

ДРАМА БЕЗ РАЗВЯЗКИ

«Драма без развязки» входит в цикл «Книги Эрато». В «Списке бумагам», посланном при письме 12 января 1871 г., об этом цикле Чернышевский пишет:

«Книга Эрато» — это энциклопедия в беллетристической форме. Я работаю над нею уже больше двух лет. Это будет нечто колоссальное по размеру.

Канва главного романа: Итальянка, вдова русского вельможи, сама еще более знатная, — по деду, голландскому банкиру, компаньона лондонской отрасли Ротшильдов, получает после деда фамильную виллу, Кастель-Бельпассо. Поселяется там с детьми, родными, друзьями (друзья люди небогатые); начинаются спектакли, литературные вечера и проч. и проч. — Это общество — общество, приключения которого рассказываются в основном, очень много-сложном романе; а литературные вечера и разговоры по поводу их дают рамку для бесчисленных эпизодов всяческого содержания. Посылаемые мною эпизоды служат образцами, как разнородны эти вставки».

Специально о «Драме без развязки» здесь сказано: «№ 4. — Драма из русской жизни. Для эффекта, я посылаю только спектакль первого вечера. Прочитавши, можно понять, какие споры поднимаются в обществе после этого спектакля. На завтра, спорящие увидят, как решается дело. Решение очень странно, и поднимает новые споры, с новыми эпизодами, — и после, оказывается, что эта драма была написана не без умысла: от решения поднимаемого ею вопроса зависит судьба некоторых из родных хозяйки».

Кроме того, в том же письме к жене от 12 января 1871 г. Чернышевский об этой пьесе писал: «А из того, что посылаю, расскажу тебе о «Драме без развязки» — так назвал я два с половиною действия четырехактной драмы, которая в полном своем составе называется «Другим нельзя». Остальные полтора действия пришло после...»

Сведения о том, каково было дальнейшее содержание драмы, имеются в воспоминаниях П. Николаева и В. Шаганова (П. Николаев, Личные воспоминания о пребывании Н. Г. Чернышевского в каторге, М. 1906, стр. 31—33). Аналогичный рассказ см. в воспоминаниях В. Шаганова («Н. Г. Чернышевский на каторге и в ссылке», СПб. 1907, стр. 13—14,— сб. «Н. Г. Чернышевский», изд. Об-ва политкаторжан, 1928, стр. 97—98). В воспоминаниях В. Г. Короленко содержание этого произведения передается в ином варианте (В. Г. Короленко, Отошедшие, М. 1918, стр. 49—50).

ПОТОМОК БАРБАРУССЫ

В «Списке бумагам», посланном 12 января 1871 г., об этом произведении сказано следующее: «№ 5. — Три первые главы рассказа «Потомок Барбаруссы». Это первый рассказ из семейной истории хозяйки. Понятно, что продолжение этих рассказов охватит историю французской революции и т. д. до самых последних европейских событий. Эмилия, принцесса Рейфельденская, о которой говорится в конце третьей главы, — это нечто вроде экрана, на котором отражаются фигуры всех эксцентричных руководителей крайней прогрессивной партии, от Бабера до Маддини».

Из подзаголовка к предисловию: «Написанное для Белого Зала» — видно, что рассказ «Потомок Барбаруссы», являясь частью «Книги Эрато», относился к разделу «Чтений в Белом Зале». В воспоминаниях П. Николаева и В. Шаганова о «Рассказах из Белого Зала» говорится как о произведении, которым должна была завершаться трилогия, начатая «Стариной» и продолженная «Прологом». П. Николаев сообщает следующее: «Третья часть трилогии: «Рассказы из Белого дома» (Зала? — А. С.) или «Академия Ниноны», не была написана, Чернышевский только задумал ее и приготовил для нее множество отдельных рассказов. Дело происходит уже за границей, на вулканической почве Сицилии, где-то около Катании. Волгин с женой тут же: он в начале романа лежит на холме и, любуясь развивающейся перед ним в долине картиной мирного труда поселян, вспоминает серое иско далекой родины. Ему вспоминается, как однажды он зашел в одну избу и увидел там двух работающих что-то стариков, мужа с женой, и, спросив, что они делают, получил в ответ: «Отдыхаем, кормилец, отдыхаем!» Он думал о том, что то, что для интеллигентного человека было бы довольно тяжелой работой, этим несчастным пасынкам природы казалось легким отдыхом. Но вот взор его падает на скачущую вдали даму в амазонке: она так счастлива, так изящна, так художественно прекрасна. Разве она не имеет права на жизнь и счастье? Идея романа вся тут: счастье — это святой и освящающий человека труд в соединении с всесторонним развитием личности, живущей полной и потому красивой жизнью. В замок собирается целая масса самого разнообразного народа: рядом с кровной итальянской аристократкой появляется старая казачка с Дона, рядом с проблематическим существованием незаконной дочери знаменитой венской танцовщицы фигурируют герои всемирной революции и, наконец, многое множество старых знакомых лиц из «Пролога к Прологу». Все они живут в замке некоей маркизы Бельджиозо, тоже довольно проблематической натуры, по происхождению русской, а теперь не то авантюристки, не то революционерки, не то настоящей аристократки. Она отдала всей этой огромной компании свой пышный замок и устроила там белую залу, в которой происходят заседания тайно-явного общества-академии Ниноны. Личности постоянно появляются и исчезают; они вступают в сношения с реформаторами всех стран, очевидно намерены сделать какую-то последнюю отчаянную попытку мирового преобразования; участвуют если не все, то многие во всех европейских движениях. А пока в Белой Зале происходят

спектакли, чтения разных этюдов, иногда научные рефераты, — одним словом, легким и удобным путем решаются разные вопросы личной нравственности и общественного переустройства. Дело кончается тем, что компания, разбитая и разочарованная в попытках общественной деятельности, решает устроить по крайней мере свое личное счастье и для этого уезжает куда-то на Маркизские острова, где и основывает свою коммуну на новых началах, выработанных академией Ниноны» (П. Николаев, Личные воспоминания о пребывании Н. Г. Чернышевского в каторге, М. 1906, стр. 45—47).

В воспоминаниях В. Н. Шаганова содержание «Рассказов из Белого Зала» представлено несколько иначе. Он тоже считает этот цикл продолжением «трех предыдущих» романов, т. е. «Старины» (название этого произведения он не обозначает, но содержание рассказывает), «Пролога к прологу» и «Дневника Левицкого». «Действие «Рассказов из Белого Зала», — вспоминает В. Шаганов, — открывается с 1862—1863 гг. В финале событий, которыми кончается роман «Пролог», ни одна группа лиц, ни представители этих групп не остаются удовлетворенными этими событиями. Между тем по зимним вечерам, в сельском уединении среди семейства ведутся разговоры о научных, политических и нравственных принципах, читаются целые рефераты разными лицами из среды семейства и их заезжими гостями, излагаются предположения, планы и возможности лучшего устройства человеческой жизни...» «Если между этим романом и концом романа «Пролог» вставить (для хронологии) роман «Что делать?», то вот это и будет цикл социальных романов, написанных Чернышевским. Николай Гаврилович говорил в Александровском заводе, что его еще часто прельщала мысль написать нечто вроде романа о том, как группа русских удаляется на один из необитаемых островов Тихого океана с целью испробовать условия совершенно новой социальной жизни и возрастить такое поколение, которое бы уже твердой ногой встало в этой новой жизни. Напоследок он предполагал это ввести как отдельный эпизод в «Рассказы из Белого Зала» (В. Шаганов, Н. Г. Чернышевский на каторге и ссылке, СПб. 1907, стр. 23—24).

МАСТЕРИЦА ВАРИТЬ КАШУ *

«Мастерица варить кашу» — одна из пьес-аллегорий, написанных Чернышевским для товарищеских спектаклей в Александровском заводе. Ее аллегорический смысл вскрывается в пересказах В. Шаганова и П. Николаева. В их воспоминаниях содержание пьесы передается по памяти; ни заглавия пьесы, ни имен действующих лиц они не помнят. Печатного текста пьесы, помещенного в X томе Полного собрания сочинений 1906 г., они, очевидно, не принимали во внимание или совсем не знали. Однако совпадение передаваемой ими аллегорической пьесы с содержанием «Мастерица варить кашу» совершенно бесспорно. Приводим пересказ В. Шаганова: «Здесь некоторая дама (власть), забрав в свои руки либералов, составляет с ними комплот для окончательного закрепощения в своих сетях молодой девушки (читай: народ), уже достигшей совершеннолетия. Требовалось ее отдать замуж, но партия должна быть подыскана такая, чтобы порядок дел от этого не изменялся и чтобы ее воспитательница (тут уже власть является в лице женщины) могла беспрепятственно делиться с ее мужем всем ее достоинством. Девушка сначала надеялась на молодого человека, которого полюбила, но он был удален бог знает куда, и ничего не было о нем известно. Она уже и сама начала терять голову и почти давала согласие на брак, предлагаемый воспитательницей, но в самую решительную минуту явился-таки молодой человек и увел девушку у всех из-под носу. Тут было очень интересное вводное лицо — историкограф — и милые сценки кокетства власти с либералами» (В. Шаганов, «Н. Г. Чернышевский на каторге...» СПб. 1907, стр. 12). О том же несколько подробнее рассказывает П. Николаев («Личные воспоминания...», М. 1906, стр. 28—30).

* В составлении примечаний к этой пьесе принял участие А. Гуральник.

В. И. Ленин высоко оценил борьбу Чернышевского с либералами. «Он резко проводил ту линию разоблачений измен либерализма, — писал Ленин, — которая доньше ненавистна кадетам и ликвидаторам» (Соч., изд. 4-е, т. 20, стр. 224). О том, что Чернышевский остался верным своей ненависти к либералам, которые рассыпались громкими фразами по поводу вопиющих явлений русской жизни и ровно ничего не делали, чтобы выступить на активную борьбу с ними, свидетельствуют многие беллетристические произведения периода сибирской ссылки. Так, например, Чернышевский проявил свое скептическое отношение к пассивному либерализму русской интеллигенции в 3-й части романа «Рассказы из Белого Зала». Вожди и деятели «всемирного переворота», окончательно разочаровавшись в его возможности, решили покинуть родину и отправиться на Маркизские острова, чтобы там, в поучение человечеству, основать новую утопию.

Пьеса-аллегория «Мастерица варить кашу» дополняет рядом любопытных деталей известную нам непримиримую критику Чернышевским русского либерализма. Напомним, что либералов, этих «красноречивых партизанов разных прекрасных идей», Чернышевский называл не иначе, как «дурачьем», «болтунами», «хвастунами», говоря, что кроме мерзости «наши господа эмансипаторы» ничего сделать не могут.

АКАДЕМИЯ ЛАЗУРНЫХ ГОР

По замыслу автора, «Академия Лазурных гор» должна была составить цикл произведений разного содержания при общности целого. См. об этом письма Н. Г. Чернышевского к М. М. Стасюлевичу от половины февраля 1875 г. и А. Н. Пыпину от 3 мая 1875 г.

Первый вариант содержания «Академии Лазурных гор», помещенный в письме Н. Г. Чернышевского к А. Н. Пыпину от 3 мая 1875 г., не имеет полного совпадения с беловой рукописью.

«ОТБЛЕСКИ СИЯНИЯ»*

1. Роман «Отблески сияния» остался незаконченным. Предварительный набросок представляет интерес главным образом для биографов Чернышевского. Беглыми, как бы случайными указаниями, рядом намеков автор дает понять, что центральный герой романа — демократ, его устами Чернышевский высказывает свое отношение к некоторым важнейшим явлениям современной ему общественной и научной жизни (см. о Парижской Коммуне, об эволюционной теории Дарвина). Самохарактеристика Владимира Васильевича, его манера мыслить, а главное — те данные о научной и революционной деятельности главного героя романа, которыми мы располагаем, свидетельствуют о близости Владимира Васильевича к демократическому лагерю.

2. «И слушал я их ученое вранье о неотвратимости зла и о его благотворности»... Чернышевский неоднократно выступал против «ученого вранья о неотвратимости зла и его благотворности». В частности, одна из последних крупных статей Н. Г. «Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь. (Предисловие к некоторым трактатам по ботанике, зоологии и наукам о человеческой жизни)», опубликованная в «Русской мысли» за 1888 г., № 9, прямо перекликается с гневной критикой этой теории, которую мы находим в данном отрывке «Отблесков сияния».

Чернышевский доказывал, что теория благотворности борьбы за жизнь, которая из ботаники и зоологии «расползлась по наукам о человеческой жизни» (см. Полн. собр. соч. в 10 тт., С.-Петербург. 1906, т. X, ч. 2, стр. 16), имеет «публицистический характер» и что для правильного ее понимания необходимо напомнить исторические обстоятельства, при которых она возникла, и политические мотивы, которыми она порождена (там же,

* В составлении примечаний к этому роману принял участие А. Гуральник.

стр. 17). По мнению Чернышевского, Дарвин, пытаясь приложить свою теорию к истории развития человеческого общества, повторяет зады учения Мальтуса, «защищавшего политические системы, отвергавшего всякие реформы». Н. Г. подчеркивал, что развитие политической экономии сдало в «исторический архив» подобные теории.

Удар Чернышевского, по существу, был направлен не столько по эволюционной теории Дарвина, сколько по т. н. «дарвинистам-социологам», пытавшимся учением Дарвина оправдать «войну всех против всех». Между тем теория Дарвина вовсе не может служить оправданием этой «войны всех против всех».

Сам Дарвин плохо разбирался в общественных вопросах. Этим, как указывал Энгельс, объясняется тот факт, что он без всякой критики принял реакционное учение Мальтуса о народонаселении. Но его огромный ум предохранял его от тех крайностей, в которые впадали многие из его «учеников». В этом отношении любопытно примечание редакции к названной статье Чернышевского:

«Русская мысль» несколько раз помещала статьи в разъяснение и защиту эволюционной теории от односторонних на нее нападок. В нашем обществе, однако, продолжают иногда смешивать эту плодотворную научную теорию с попытками сузить ее смысл и значение, с стремлением доказывать, что эволюция (трансформизм) обуславливается исключительно борьбой за существование, которая будто бы всегда благодетельна, всегда ведет к прогрессу. В виду такого смешения понятий редакция «Русской мысли» сочла своим долгом дать место статье писателя Старого трансформиста, как он на этот раз подписался».

По указанному отрывку из «Отблесков сияния» видно, что Чернышевский выступает против перенесения контрреволюцией учения «о борьбе за жизнь» в человеческое общество. Отсюда возмущение Владимира Васильевича «рассудочными учеными», оправдывающими общественное зло («зло — источник добра»), поэтому он так едко высмеивает тех, кто звериный закон эксплуатации, угнетения человека человеком, возводит в извечную и благодатную силу прогресса. «Истинный создатель цивилизации, истинный творец наук и искусств — тигр. Возблагодарим его и будем подражать ему для блага человечества». (Блестящей пародией на мальтузианство являются слова Вл-ра Вас-ча: «Чухотка — избавитель человечества от развития болезни в людях. Не убивай она болезненных, болезненные размножились бы. Итак, надобно для блага человечества... и т. д. Ведь Мальтус и его последователи утверждали, что нищета, бедствия народа — результат излишка населения, болезни и пороки — результат «нерассудительности массы народа в деле размножения» (Чернышевский, Полн. собр. соч., т. X, ч. 2, стр. 19). Политический смысл гневной тирады Владимира Васильевича против «благоразумных ученых» становится ясным, если вспомнить, что Чернышевский видел причины страшной судьбы миллионов масс в «дурных политических учреждениях» каждой данной страны (там же, стр. 19) и призывал к революционному преобразованию этих «политических учреждений».

3. Чернышевский умел мастерски влетать в повествовательную ткань своих беллетристических, написанных эзоповским языком произведений стихотворные цитаты для передачи самых сокровенных своих мыслей. Чаще всего это были стихи соратника и друга Чернышевского — Н. А. Некрасова (см., напр., «Что делать?»).

В данном случае отрывки из некрасовского стихотворения «Рыцарь на час», обрамляющие рассуждения Владимира Васильевича о «благоразумных ученых», которые предают интересы угнетенного народа и оправдывают политику угнетения, содержат в себе прямой призыв к революционной борьбе.

4. «Женщины-рабыни, рабыни не люди...» К эмансипации женщин герои романа возвращаются неоднократно. Подробнее об отношении Чернышевского к вопросу об освобождении женщины и его борьбе с господствующей ханжеской моралью см. в комментарии к «Истории одной девушки».

5. «Почему он медлил, мы не знаем...» и т. д. до «мы напрасно осуждали

его». Один из многих намеков, рассеянных по роману, на участие В-ра Вас-ча в каком-то революционном деле. Длительное пребывание В-ра Вас-ча за границей, указание на то, что он «рисковал за дело добра», наконец, двукратное многозначительное упоминание Парижской Коммуны, о которой В-ра Вас-ча просят рассказать, — все это делает возможным предположение, что герой романа сражался на баррикадах Парижской Коммуны. Характерно объяснение причины угнетенного состояния духа В-ра Вас-ча: «Мы хорошо знаем, упадок духа произведен в вас не каким-нибудь личным горем... я чувствую ту печаль, которая гнетет вас. Мне понятна, нам всем понятна ваша скорбь». Сам В-р Вас-ч объясняет: «Это началось с Парижской Коммуны. Были удары и прежде. Но те я кое-как выносил. А это было так умно, так умно, что я не вынес, и стал падать духом».

6. «Я не могу жениться; человеку с моим характером, жениться—значит погубить жизнь женщины, которая станет его женою. То, что погубил бы он и свою жизнь уж неважная вещь сравнительно с этим. Я не женюсь никогда». Еще один намек на то, что герой романа посвятил себя революции.

7. «Говорите. Мы знаем: это итти на смерть»... и дальше. Это место может служить ключом ко всему роману. Несмотря на то, что в России спала волна революционного подъема, отсутствует революционная ситуация на Западе, совсем недавно потерпела поражение Парижская Коммуна и наступает полоса всеобщей реакции, Чернышевский остается верным революционной тактике, призывает беречь и готовить кадры для будущих боев, наступление которых неминуемо. Чернышевский указывает на то, что В-р Вас-ч имел единомышленников, соратников, готовых по его зову пойти навстречу любой опасности.

8. «Они были одно товарищество...»

Действие романа разворачивается на фоне усадьбы, обрисованной в несколько утопических чертах. «Товарищество», организатором которого является Лоренька,— кооперативного типа хозяйство, несколько напоминающее по своим принципам швейную мастерскую Веры Павловны («Что делать?»). Чернышевский говорит о разумной планировке этого хозяйства, о восьмичасовом рабочем дне, об отношении членов «товарищества» к труду, о положении работников, сочетающих физический труд с культурными занятиями: чтением серьезных книг и романов, игрой на рояле, изучением французского языка; имеется общая касса, подчеркивается рентабельность подобного рода хозяйств, указывается на ряд выгодных усовершенствований и на применение передовой для того времени техники и достижений агронауки; строятся насыпи, осушаются болота и т. д.

Однако напомним, что Чернышевский «был не только социалистом-утопистом. Он был также революционным демократом, он умел влиять на все политические события его эпохи в революционном духе, проводя—через препоны и рогатки цензуры—идею крестьянской революции, идею борьбы масс за свержение всех старых властей» (В. И. Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 17, стр. 97). Чернышевский понимал, что простое кооперирование, несмотря на его очевидную выгоду и разумность, при существующем строе не может привести к радикальному улучшению положения народа. Не мирное кооперирование, а революция—единственный выход из положения. Отсюда сдержанный тон, несколько скептическое, местами ироническое отношение к «усадьбе» Лореньки.

9. Ценнейшее свидетельство о том, что Чернышевский в ссылке знал о Парижской Коммуне. По контексту романа видно, что он готов был упрекнуть коммунаров за некоторые ошибки, но ясно и то, что он полностью поддерживал их революционную тактику.